

Икар

«Физкультура и спорт»

ГАРРИ КАСПАРОВ

„Творчество —
это высшее
проявление
человеческой
фантазии.
Человек может
все“

Фото Д. Донского,
Б. Кауфмана,
Р. Фернандеса,
М. Боташева,
Б. Турова, Е. Волкова
и из семейного архива
Каспаровых

ГАРРИ КАСПАРОВ

Став в 22 года самым молодым чемпионом мира в истории розыгрыша этого звания в шахматах, добавим, наиболее престижным мировым чемпионом, поскольку имена обладателей шахматной короны знают практически все и во всем мире, Гарри Каспаров не только установил своеобразный шахматный рекорд, но и, без сомнения, привлек еще большее внимание к этой древней игре. Для серьезных шахматистов он интересен своей острой комбинационной игрой, шахматным энциклопедизмом и при этом еще исследовательской деятельностью, позволившей ему сделать ряд дебютных открытий. Для тех, кто в шахматы не играет вообще (по нашему мнению, таких в Советском Союзе меньшинство), Каспаров привлекателен своей открытой манерой общаться (она у него сохранилась и в шахматах), своим стремлением к справедливости, рискнем даже утверждать, что и своей внешностью.

Здесь можно сослаться на примеры, чтобы не быть голословными. На вопрос: «За кого вы болеете и почему?», заданный в телевизионном фильме в промежутке между первым и вторым матчами, девушка (не старше 20) ответила: «За Каспарова, он симпатичный». 75-летняя вахтерша одного из московских домов, увидев в подъезде Каспарова, призналась: «Вы мне так нравитесь, как нравилась мне только Алиса Коонен в тридцатых годах, что я научилась сама играть в шахматы и научила внучку».

Для подавляющего большинства, то есть для всех тех, кто играет, и для тех, кто не умеет играть в шахматы, Каспаров стал интересен хотя бы тем, что победил в серии труднейших матчей, победил вопреки прогнозам и победил чемпиона, которого до этого признали непобедимым. Возраст Каспарова поставил и такой не серьезный, но запутанный вопрос — как его называть?

Шахматисты его так долго звали просто Гариком, что перестроиться не сумели, вернее не успели. Анатолий Карпов зовет его Гарри, Михаил Таль, еще совсем недавно бывший для Каспарова восхитительным примером, в шахматном обзоре назвал его Гарри Кимовичем, но было видно, что это далось ему нелегко, точнее, прозвучало непривычно и нарочито. Клара Шагеновна Каспарова, когда довольна сыном, называет его Каспарюг — есть что-то утраченное в этом имени? Что ж, рассказывая о Каспарове, я предвижу, что буду путаться в именах, но чаще всего буду называть чемпиона так, как его называют многие, в том числе и незнакомые люди — Гарик.

Москва. „Физкультура и спорт“, 1988

Слово «Загульба», еще несколько лет назад не известное никому, кроме бакинцев, сейчас привычно в языке любого, кто увлекается шахматами. Загульба — маленький поселок на берегу Каспия. Загульба — место, где чемпион мира проводит большую часть своего времени. Того, кто попытается найти на карте это местечко, постигнет неудача, Загульба всего лишь в сорока километрах от Баку. Наверно, ее ожидает судьба любого, пусть даже отдаленного пригорода — Загульбе суждено слиться с разрастающимся вдоль Каспийского побережья городом, но на век Каспарова она сохранится как один из любимых курортных пляжных поселков бакинцев. Золотой апшеронский песок — богатство Каспийского побережья — постепенно исчезает под натиском моря, и пляж, который 17-летнему Гарику (тогда он впервые провел здесь сборы) казался бесконечным, сейчас узок и измеряем. Море наступает на побережье куда быстрее, чем город на пригороды. Ошибаются те, кто думает, что здесь, у самого большого озера в мире и самого беспокойного (Баку, как известно, город ветров), созданы исключительные, учитывающая кавказскую щедрость и размах, условия для чемпиона мира. Вынужден разочаровать мечтателей. Загульба — пансионат, состоящий из цепочки обычных пятиэтажных жилых домов, но без кухни, потому что есть столовая. В одном из таких корпусов, в такой же, как и у других, квартире живет чемпион мира, и единственное его преимущество перед другими отдыхающими заключается в том, что он обедает со своей командой отдельно в маленьком зале, почему — я скажу позже, но не из-за редких деликатесов. А главное различие между ним и отдыхающими заключается

в том, что он в Загульбе работает, и, как считает сам чемпион, наиболее продуктивно, — поэтому он ей не изменяет. В том, что Загульба далеко не райский уголок планеты, убедился и Михаил Моисеевич Ботвинник. Весной 1987 года здесь была организована сессия школы Ботвинника — Каспарова, и, побывав в пустующем и тихом пансионате, окруженный почетом и вниманием, экс-чемпион заметил: «Я с трудом понимаю, как можно здесь организовать стопроцентные условия для подготовки». Что бы сказал прославленный маэстро, если бы попал в Загульбу летом, когда температура днем поднимается до сорока градусов, а ее, как известно, измеряют в тени, и ночью она ненадолго падает. А может, мы бы и не услышали, что сказал Ботвинник, потому что летом в Загульбе полагается кричать, так как она населена здоровыми и активными до головокращения (у окружающих) бакинскими детьми. Во всяком случае, грохот в столовой стоит такой, будто ты попал в кузнечно-прессовый цех. Вот и причина возникновения маленького зала. Детей в Баку любят, в порывах их редко ограничивают, тихий ребенок, не дай бог еще и худенький, вызывает всеобщую жалость. Активность населения от двух до пятнадцати лет спадает лишь после обеда, в самый зной, и к ужину нарастает с новой силой. В летний, типично южный кинотеатр (без крыши) дети въезжают прямо на велосипедах и стараются говорить громче, чем актеры на экране. Я описал детский распорядок дня в Загульбе не случайно. Он совпадает с расписанием дня Гарри Каспарова, и никаких секретов я не открываю, поскольку он на глазах у сотен отдыхающих летом в Загульбе. Итак, утром Гарик на пляже, а работать

начинает днем, отдав должное принятому в Баку послеобеденному чаю, — тогда же и просматриваются все московские газеты. Из квартиры, где живут тренеры, он возвращается к себе только к программе «Время». По местному, в двадцать два часа. В загульбинском кинотеатре, насколько мне известно, Каспаров так ни разу и не побывал. Поскольку на занятия Каспаров никого не приглашает, за исключением трех-четырех помощников, не будем без спросу туда заходить и мы. О Загульбе есть что расска-

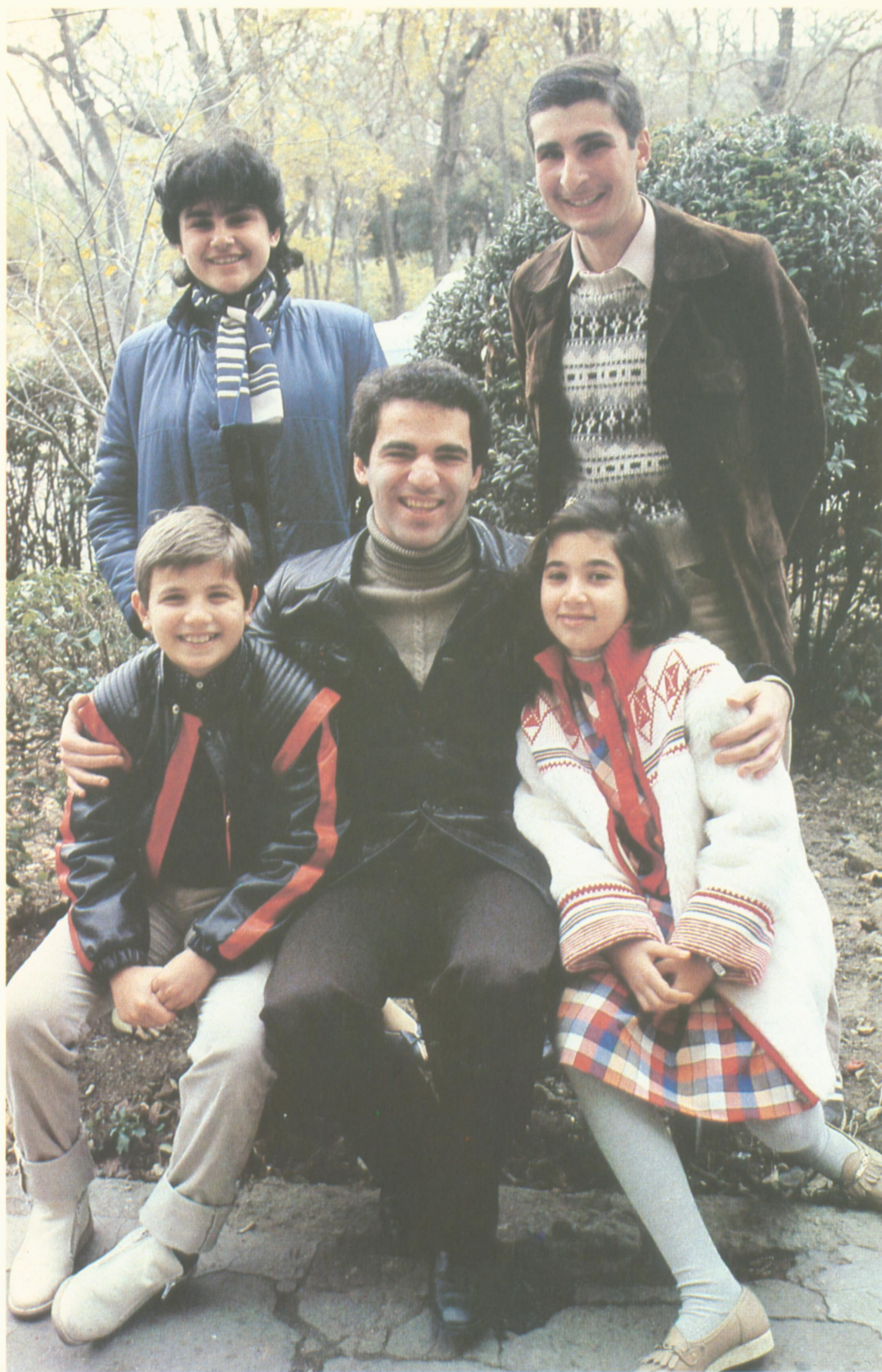
зать и не вторгаясь в творческую лабораторию чемпиона, занятого поисками новых дебютных ходов и совершенствованием стиля. Замечу только, что если найдена новая, заслуживающая внимания идея, то работа над ней продолжается куда дольше установленного времени. («Наше оптимальное время пять часов, — замечил однажды Гарри, — оно выведено опытным путем».) Каспаров продолжает размышлять над ней в одиночестве. Довольно странном одиночестве, учитывая то, что вокруг по-прежнему люди, но уже занятые другими проблемами. При мне он не жи-

данно, поскольку шел общий бурный разговор о перспективах окончания футбольного чемпионата, продиктовал решение шахматной задачи. Правдоподобного ответа, чтобы привести его здесь, как в его мозгу шла параллельная работа над двумя разными проблемами, я получить так и не смог. Объективного объяснения этому нет. Момент вхождения в шахматные дела происходит обычно за традиционным чаем, когда общий разговор незаметно перехо-

---

Каспаровы: братья и сестры

дит на шахматный язык, в котором обычных слов куда меньше, чем сочетаний цифр и букв.

К чаю одна из тетушек чемпиона — как всякий бакинец, Гарик имеет тетушек в среднем раза в три больше, чем их имеет житель любого другого региона нашей страны, — присылает огромный пирог собственного приготовления. Вес набирают только гости. Чемпион всегда в боевой форме. И дело даже не в постоянных прогулках после ужина, хотя они интересны сами по себе. Если в Загульбе гость, то он обязан принять в них участие, чтобы рас-

сказать о последних новостях в большом мире. Скорость гуляния у чемпиона, правда, такова, что с непривычки гость еле стоит на ногах после прогулки, а придя в себя, вновь испытывает чувство голода. Но даже не эти регулярные круги по горячему, еще не остывшему асфальту не позволяют чемпиону набирать вес. Есть две вещи, постигнуть которые невозможно, находясь в здравом уме. Первое — как можно бегать в самый солнцепек по кромке моря, то есть по тяжелому песку, ежедневно по три километра босиком? И вторым я завершу рассказ о Загульбе.

Шумный загульбинский пляж не обращает на ежедневные пробежки чемпиона уже никакого внимания. Если Гарик не бежит в своей белой кепочке мимо возлежащих на жарком песке, — это такое же чрезвычайное происшествие, как тучи на летнем бакинском небе. На первых сотнях метров дистанции его сопровождают с визгом дети, но отстают на половине первого круга, не выдержав темпа. Он мотается, бросая вызов своей поджарой фигурой солид-

---

Мама всегда и всюду рядом

ным кавказским мужьям, три раза — от стены до стены соседних санаториев. Потом, не заходя в море — а оно рядом! — Гарик включается в пляжный футбол. Нет пока пера, сумевшего описать эту игру: вскрики, песчаные фонтаны, загорелые тела и множество всего того, что в сумме составляет футбол на песчаном пляже. Здесь свои мастера. (На моих глазах мексиканские мальчишки в Акапулько переиграли команду советских футбольных

Шахматист — это спортсмен-универсал

тренеров.) Но если кто-нибудь и попытается описать эту игру, ему не дано передать тот накал страстей и повышенный заряд энергии (включая выкрики, обиды и оскорбления, которые тут же забываются), свойственные футболу на Апшероне, а может быть, и на всем Кавказе. Здесь никто не считается с тем, что играет в одной команде с чемпионом мира или, наоборот, в противостоящей. Справедливо полагая, что в будущих шахматных сражениях ноги ему не пригодятся, беречь надо голову, он «избиваем» так же, как и любой другой его партнер. Если команда, где

рова принимают участие в этих баталиях. Я один раз отправился на такой «международный» матч. Играли не у моря, а наверху, на асфальтовой площадке. Зайдя на нее, я испытал те же чувства, которые должен испытать человек, если он сможет войти в духовку разогретой кухонной плиты. Гарик запаздывал, его ждали без ропота: он отмерял свои обязательные три километра...

Последнее время он начал днем еще

Гроссмейстер против младшего брата

играет Каспаров, выигрывает, хорошее настроение обеспечено ему на весь день, ну а если он еще и забил какой-нибудь невероятный мяч, то разговоров хватит до вечера — обыкновенные мячи здесь не очень-то считают. Но если проиграет, то во всем виноваты бездарные противники, которые только и могут, что толкаться. Спрашивается, что мешает землякам чемпиона, для которых он кумир и предмет поклонения, ненавязчиво и регулярно проигрывать? Но они упорно стараются этого не допустить.

Иногда пляжные соперники объединяются и отправляются через забор в соседний пансионат. Этому событию обычно предшествует день переговоров, долгое обсуждение и выработка стратегии игры и тактики замен, поскольку игроков собирается много. Центральная фигура этого футбольного штаба — чемпион мира по шахматам. С соседним пансионатом играют так, будто после победы им должны вручить приз, не имеющий цены, хотя обычно все кончается совместной фотографией с Гарри Каспаровым. Победа здесь в вечерних разговорах ценится особенно высоко. Надо заметить, что почти все шахматные тренеры Каспа-

играть и в теннис и изучает эту игру довольно упорно. Но, в общем, даже в этом рассказе уже очень хочется дойти до моря и наконец погрузиться в него.

Когда-то, очень давно, если мерить в масштабах жизни Каспарова, он дал маме слово, что дальше чем на триста метров заплывать не будет. В детские годы, когда его отвели в бассейн, выяснилось, что успехи в плавании ничуть не уступают успехам в шахматах, но мама остановила свой окончательный выбор на тихой игре, интуиция ее не подвела. Тем не менее Гарик регулярно устраивает заплыв кило-

метра на полтора, там выступает отшель, на которой он отдыхает, и снова полтора километра обратно к пляжу. Но по требованию Клары Шагеновны Гарика в этих заплывах стал сопровождать на лодке местный спасатель — водолаз Гена. Знакомство с Геней обернулось тем, что, к тихому возмущению мамы, Гарик надел на себя ласты, гидрокостюм, повесил на спину баллоны и начал осваивать подводное плавание. Гена уверяет, что под водой человек отдыхает, отрешаясь от всех земных дел, как нигде. Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это высказыва-

ние, — Гарик сторона заинтересованная, он поддерживает Гену, к неудовольствию Клары Шагеновны, которая убеждена, что увлечение теннисом вполне достаточная компенсация прежде любимым велосипеду, бадминтону и подводное плавание уже перебор.

Просто так, бездеятельно, Гарик в море сидеть, лежать или плавать (если это не носит гордого названия — заплыв) не может. Обычно он входит в воду с маленьким детским мячиком, и каждый желающий может сыграть с ним в своеобразный вариант водного поло, ограниченного раз-

мерами Каспия, потому что, если ты не поймал мяч, надо плыть за ним даже в том случае, когда его уносят волны в открытое море. А всяким хитростям в бросании мяча с отскоком от воды Каспаров обучился не хуже, чем защите Грюнфельда.

Если вы намерены после купания спокойно отправиться домой, то сделать это надо, избавившись от чемпиона. Дома пансионата стоят на горе, море и пляж внизу, и по серпантину дороги каждые пять минут

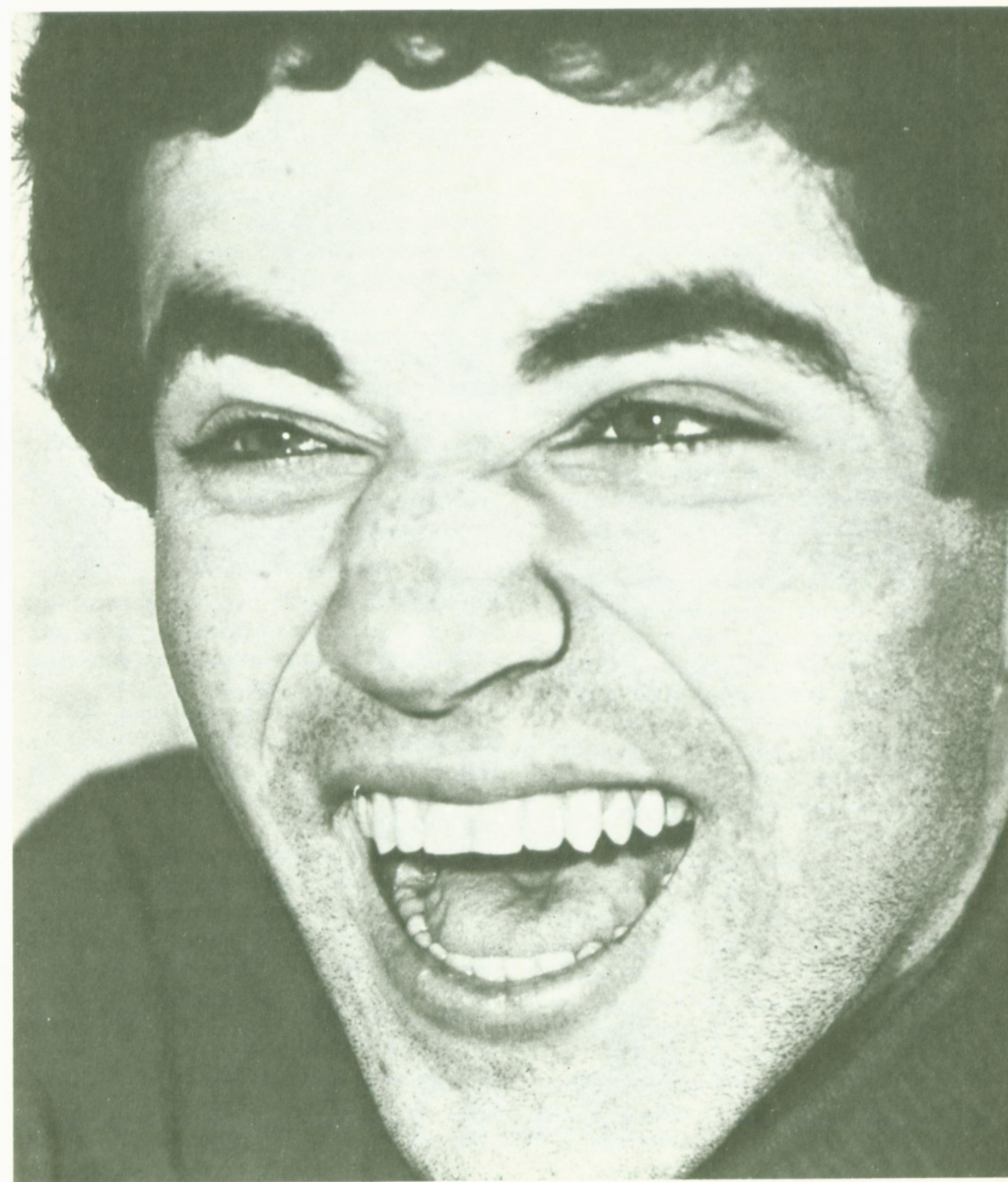
Через час после победы (Москва, 9 ноября 1985 года)

съезжают микроавтобусы. Каспаров наверх, под палящим солнцем, по голому склону (тенистые аллеи наверху — плод искусной работы садовников), отправляется только по лестнице. В пересчете на обычные лестничные пролеты их что-то около тридцати. После бега, футбола и моря. Тут никаких тортов не хватит, чтобы не упасть от полной потери сил.

Перед обедом Гарик обязательно спит час, причем засыпает с удивительной легкостью человека, у которого четыре матча за три года не подорвали нервную систему. Я рассказал о летней Загульбе. Но здесь

Гарик живет и зимой, и ранней весной. Собственно, ничего не меняется, только в том случае, когда он отдыхает, шахматы сменяются книгами, а все спортивные занятия те же, исключая купания. Бакинцы считают неприличным купаться в море, если его температура меньше двадцати. Человеку всегда трудно объяснить, почему он любит родину и не может жить без нее? И никогда Каспаров не сможет сказать, чем так привлекательна для него чахлая растительность Апшерона, штормы и жара, шум нарядной Загульбы, — в этой земле его корни.

Четыре матча за три года — много это или мало? Около шестисот часов сидения друг против друга — 120 партий в матче за звание чемпиона мира почти без перерыва.

«Слишком часто для такого крупного состязания, — считает Каспаров. — Происходит амортизация эмоций. Где-то в глубине снижается ощущение подъема, сознание важности соревнования. Матч превращается в привычное дело, хотя для любого человека, связанного с шахматами, не говоря уже об участниках, он должен быть неординарным событием. Готовиться к нему и настраиваться нужно совершенно особым образом. Но необходимость выводить столь часто свой организм, свою нервную систему на высший уровень перегрузки делает состояние стресса привычным.

Надо суметь настроиться на четвертый матч так же, как на первый или второй. Надо раскачивать себя. Появляются новые проблемы. Если прежде было просто переоценить психологический груз, довлеющий над тобой, то сейчас его можно недооценить. Матч на первенство мира требует мобилизации всех ресурсов организма и, естественно, истощает его. Более ста матчевых партий за три года — безусловно последний опыт подобного рода. Подвергать такой перегрузке людей, скажем, не совсем гуманно. Хотя жаловаться на такие испытания не принято. Три предыдущих матча развили шахматы по многим направлениям, хотя наши дебютные поиски зачастую протекали параллельно. В итоге они оказались гораздо глубже, чем состояние теории на сегодняшний день. Сейчас многие шахматисты стремятся избегать комментариев к нашей игре по самой простой причине: глу-

бокого анализа ни у кого еще нет, а понять, почему Каспаров с Карповым выбирают те или иные пути, невозможно без огромной работы.

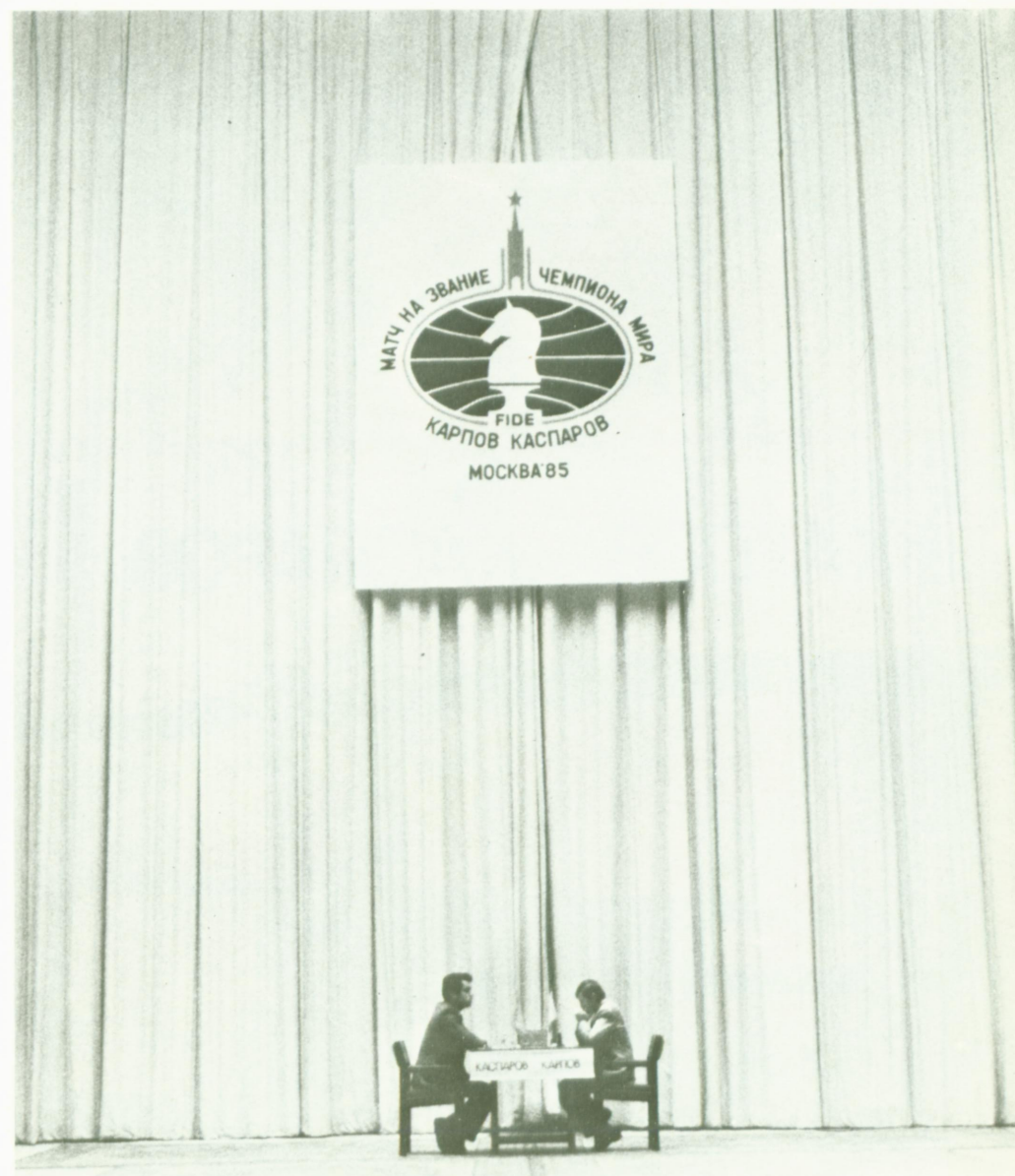
Думаю, что в плане новых идей проблемы и у меня, и у Карпова схожи. Слишком много сделано за короткий срок исследовательской работы, и сейчас приходится поднимать все новые и новые пласты. В каждом матче, в каждой партии для победы надо делать шаг вперед, а делать его все сложнее. Трудно смириться с тем, что весь прежний объем поисков устарел. И уже недостаточно копать в глубину. Теперь надо и вширь, это куда сложнее — поди знай, в какую сторону копать. Угадаешь или нет верную стратегию? Но что открытия будут и в четвертом матче, в этом я не сомневаюсь».

Высказав эти мысли, Каспаров почти ни в чем не ошибся, все в Севилье подтвердилось. Матч оказался нервным и тяжелым. Хотя многие предсказывали быструю и безоговорочную победу чемпиону. Но у шахмат свои законы, а пишут их последние годы в основном Каспаров с Карповым, и кому, как не им, их соблюдать? Высказывания Каспарова за месяц до начала матча в Севилье я поставил вперед не случайно. В них отражена вся история, как принято сейчас говорить, беспрецедентной серии матчей на первенство мира или, как ее называет Каспаров, беспрецедентного марафона. Вернемся, однако, к его старту и дадим вновь слово Каспарову. Кто лучше его сможет рассказать о трехлетней дуэли с Анатолием Карповым?

«Перед началом встречи в Доме союзов я не сомневался, что как-нибудь выиграю и

у чемпиона. Увы, я был слишком самонадеян, «как-нибудь» не получилось, встреча до победы растянулась на 14 месяцев. Итак, 10 сентября 1984 года начался матч. Как вы помните, он был безлимитным: играйте, пока кто-нибудь не наберет шесть побед, или до тех пор, пока (есть такой пункт в правилах ФИДЕ) один из соперников «не сможет продолжать игру». Итак, Анатолий Карпов 10 сентября двинул свою королевскую пешку e2—e4, и начался самый долгий матч за всю историю шахмат. Это была встреча не только двух шахматистов, но двух разных подхо-

дов к шахматам, двух разных философий, характеров шахматного мышления. Матч развивался по сценарию, предугадать который никто не мог. Из первых девяти партий я проиграл четыре. Представьте: за минувшие год-полтора проиграть три партии, а тут сразу четыре! Могу сказать, что играл я плохо. Хотя тут известное заблуждение существует: каждый проигравший уверяет, что он играл плохо, но победитель почему-то говорит обратное, что соперник был силен, но он — сильнее. Я знаю этот закон, однако вырваться из его плена не могу и

продолжаю настаивать, что играл плохо. Карпов был хитрее, изворотливее и умнее меня как шахматист. Задача любого игрока — пристроиться к сопернику, понять его слабые места и научиться точно по ним бить. Вот это Карпов быстро и умело выполнил. Через девять партий все было почти ясно. Осталось, как говорится, завернуть и упаковать противника, то есть меня. И тут он допустил ошибку, изменил основному шахматному закону — против-

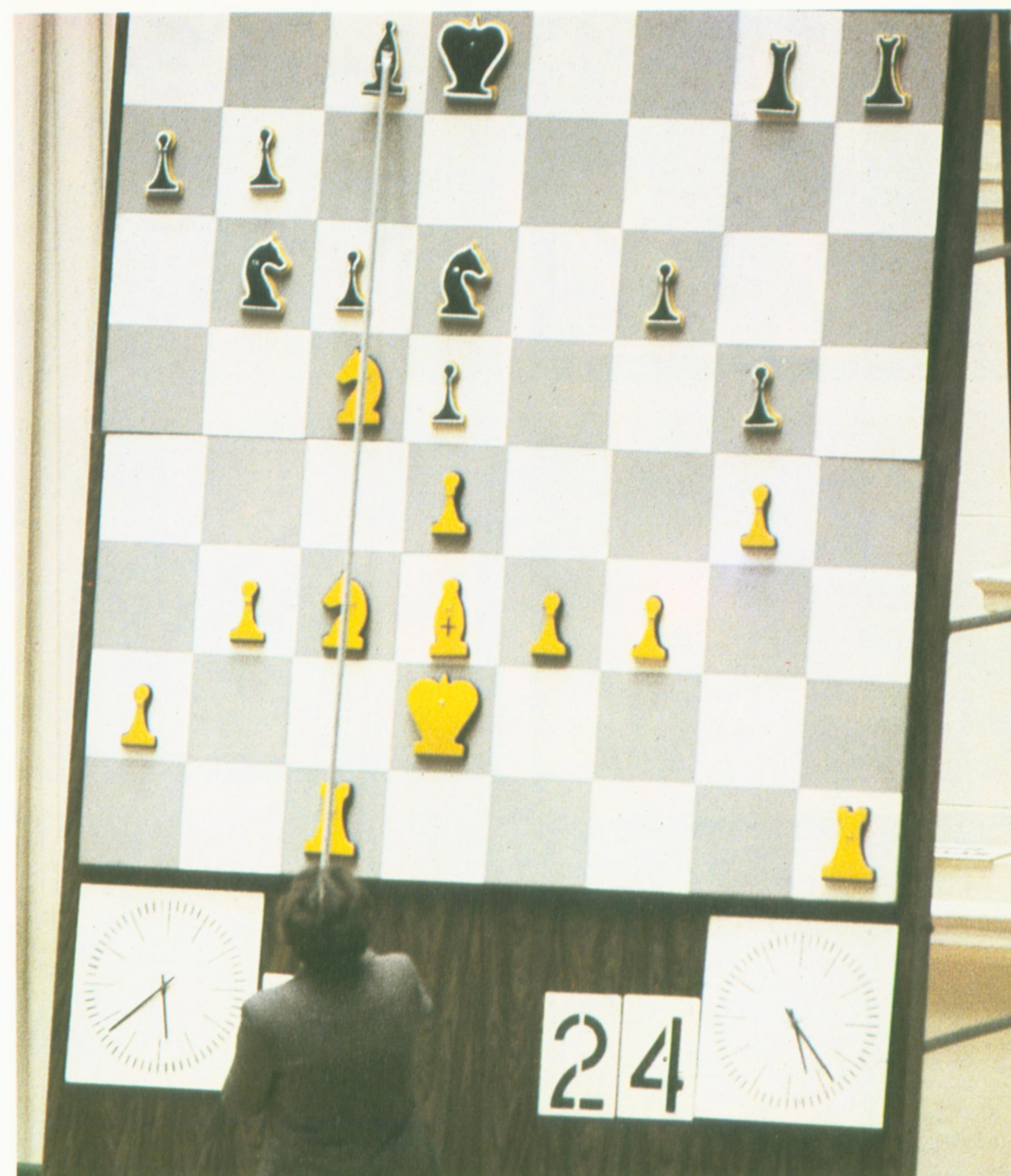
Москва, 1984—1985 годы

ника надо добивать. Он решил, что я сам дозрею и свалюсь. Конечно, у него был резон — четыре очка перевеса не шутка, мог и свалиться. Он ослабил энергию, с которой начал игру или недавно заканчивал последние встречи этого года. Если бы он тогда играл так, думаю, матч кончился бы за 20—21 партию.

Но он ослабил напор, начались сплошные ничьи. Потом была пятая его победа, и мне показалось, что в нем снова проснулся

Лондон, 1986 год

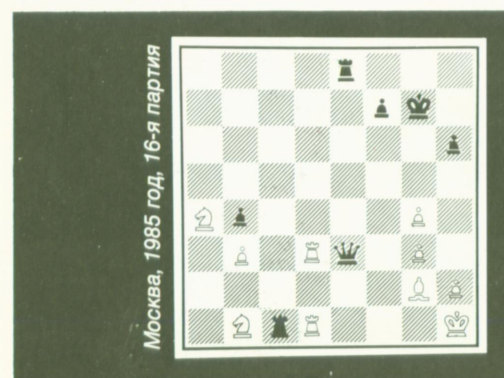
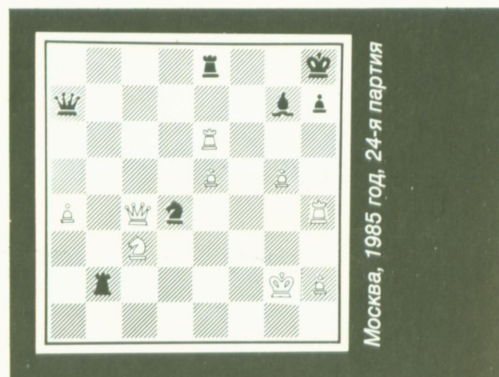
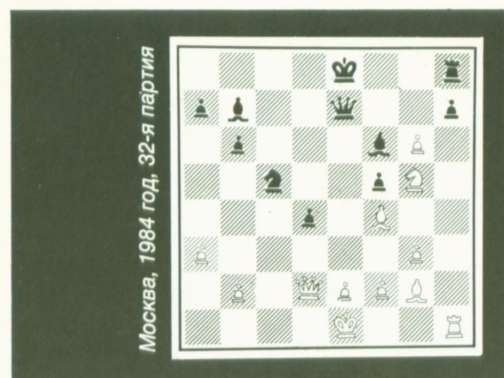
азарт — выиграть у меня со счетом 6:0. Это было уже соревнование не со мной, а с тенью Фишера, выигрывавшего матчи всухую. Когда я пришел в зал на тридцать первую партию, то сразу заметил, как резко увеличилось количество фото- и телекамер. Все понятно: победа назначена на сегодня и мне предстоит тяжелое испытание. Я почти приготовился к нему. Карпов энергично провел первую половину игры, но в финале у меня образовалось

...Партии от 1-й до 120-й
Три года. Четыре матча...

преимущество, и не будь счет 0:5, я бы рискнул пойти на выигрыш, а тут я предложил ничью сдавленным голосом. Карпов согласился. А следующую партию я выиграл...

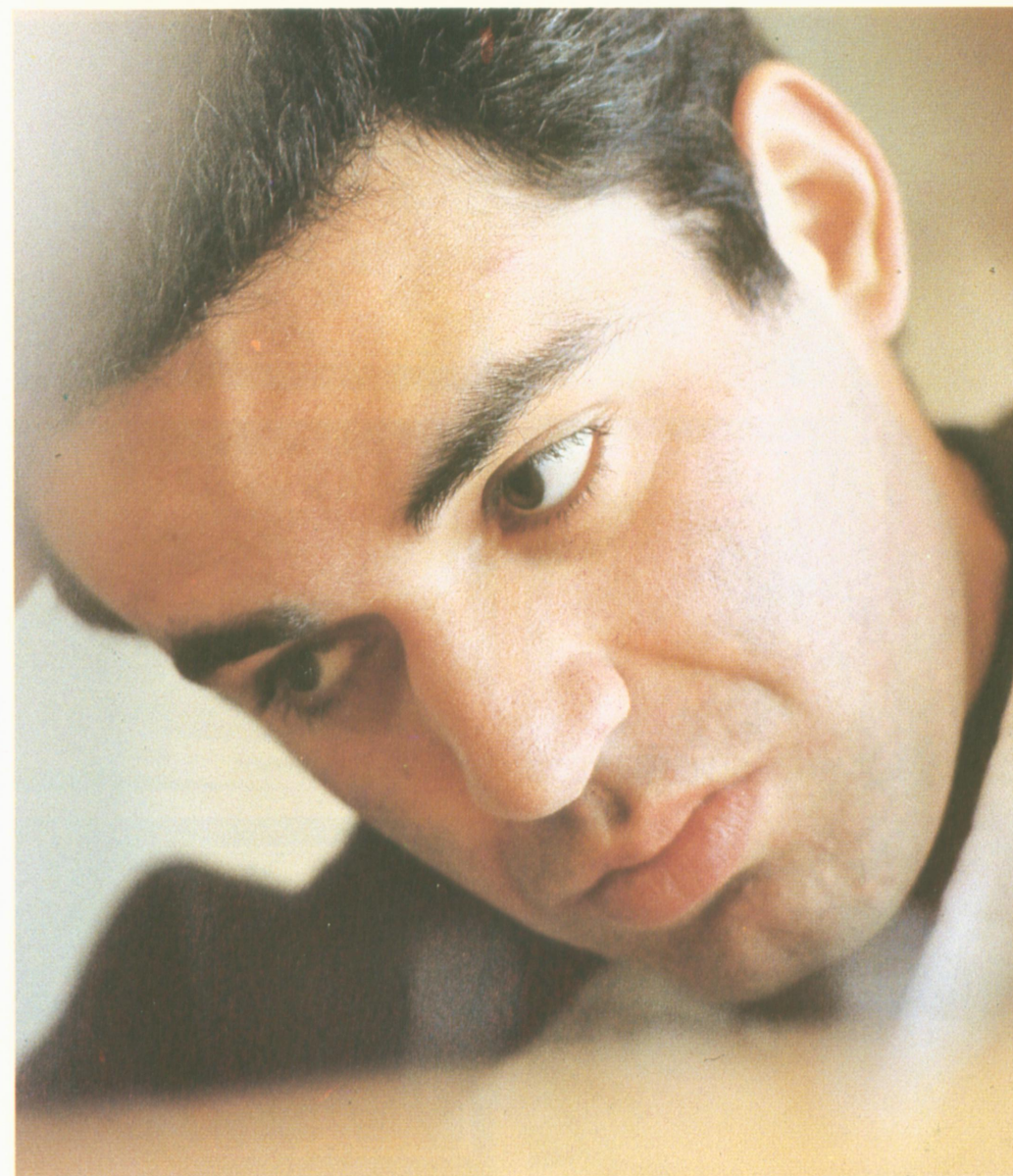
После этой, тридцать второй, игра стала для меня легкой. Я понял, что терять мне нечего. И надо смелее бороться — вдруг еще раз-другой выиграю? И Карпов тоже заиграл, поняв, что расслабляться нельзя, надо с этим кончать. Количество коротких ничьих пошло на убыль.

Но тут инициатива постепенно стала переходить в мои руки. В тридцать шестой

партии я не выиграл всего в один ход. А вот после сорок первой я будто вспомнил закон «угол падения равен углу отражения», и события 42—43-й партий уже напоминали события начальных встреч, но с обратным знаком — инициатива была на моей стороне. Правда, в 44-й и 46-й партиях Карпов защитил тяжелую позицию, но в следующих двух ему это не удалось. И если бы матч не был прерван, кто знает, не оправдал ли бы себя полностью

Ленинград, 1986 год

закон, о котором я сказал? Но это, конечно, только догадки и предположения, весьма сомнительные прогнозы на песке. 15 февраля выяснилось, что нам вскоре предстоит встретиться снова. К этому времени мы уже точно знали, что безлимитный матч — это плохо.

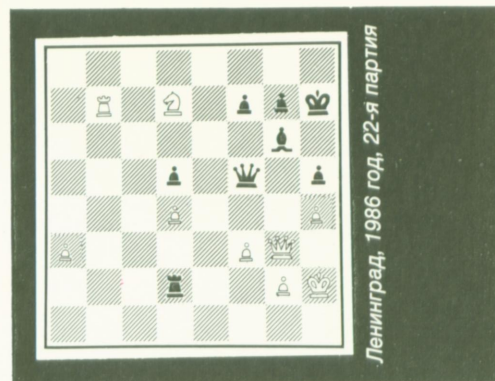
Итак, 2 сентября 1985 года мы сыграли 49-ю партию все того же матча или первую нового, как угодно.

Когда встречаются соперники, так хорошо изучившие друг друга, роль подготовки неизмеримо возрастает. Во-первых, все уже умные, все научились прикрывать

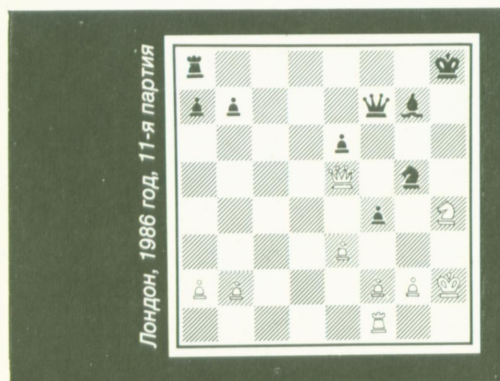
свои слабые места, значит, для выигрыша надо затратить больше усилий. Во-вторых, матч имеет границы, беречь силы не стоит и надо быстро идти вперед. Кроме того, 48 сыгранных партий — это огромная информация, которую надо переварить. И главное, надо было ответить себе на вопрос, что же, собственно, произошло в конце того матча. Что же случилось, почему Карпов не смог выиграть одну-единственную партию за два с половиной месяца? Была ли это случайность? Или Каспаров стал сильнее, то есть силы соперников выровнялись?

AVE & KASPER

Ленинград, 1986 год, 22-я партия

Лондон, 1986 год, 11-я партия

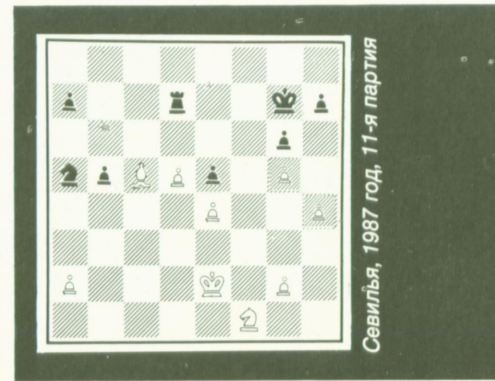

КАРПОВ

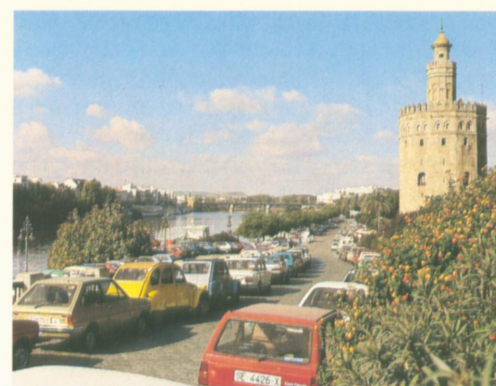
КАСПАРОВ

КАСПАРОВ КАРПОВ

Севилья, 1987 год, 11-я партия

Новый матч ответил на этот вопрос. Мне удалось приспособиться к манере игры Карпова. Может быть, дорогой ценой, но удалось. Ясно одно: Карпов допустил, на мой взгляд, серьезную ошибку, не сделав вывода из финальных событий первого матча, не переработав полученную информацию. Мне с моими тренерами удалось понять игру Карпова, хотя это легко сказать, но нелегко сделать — понадобилось десять партий нового матча, чтобы убе-

Севилья, 1987 год

даться, что мы готовились правильно. Складывалось впечатление, что Карпов преувеличивает свои возможности, когда играет «на моей территории», недооценивает мои сильные стороны. Если не удастся прикрыть свои слабые места, оппонент приходит к тебе «в гости», и тут уж надо пускать в ход все свои козыри. Мне кажется, это у меня получилось. Надо сказать, что, когда я выиграл первую партию, у меня было такое чувство: «Не может быть!» и «Что же теперь делать?». А когда после четырех партий счет для меня стал минус один, я успокоился: такой

расклад был мне хорошо знаком, я к нему как бы привык за те 48 партий. «Вот теперь надо играть», — подумал я. Ушла эйфория, вызванная началом матча, ушло оглушительное состояние, вызванное первой победой, и это помогло сохранить ясную голову в конце матча. Карпову не удалось развить успех теми средствами, которыми удавалось это сделать в начале прошлого матча, и он решил рискнуть, пойти вперед. Но до того произошло то, что потом назвали «зевком столетия» или чем-то в этом роде: Карпов подставил ладью. Правда, до этого была

нервная для него десятая партия, он чуть ее не проиграл, и в роковой для него одиннадцатой Карпов тяжело защищался. Кстати, серьезной его ошибкой, с точки зрения профессионалов, которые хорошо анализируют, был не последний ход, а предыдущий, когда он пошел не той ладьей и позиция его стала сомнительной. (Кстати, моя ошибка в 22-й партии по шахматным параметрам была примерно того же уровня. Это была стратегическая ошибка. Второразряднику нужна лишняя ладья для выигрыша, а чемпиону мира достаточно позиционного перевеса.)

Главное для меня было то, что в первой половине матча у Карпова не было преимуществ. Счет был 6:6, и он решил пойти вперед, где, надо сказать, я его уже «ждал». К концу матча Карпов сражался отчаянно и едва не сотворил чудо, а я чуть не выпустил игру из рук: в 21-й упустил выигрыш, в 23-й у меня был большой перевес, который я не использовал, а 22-ю проиграл. Поэтому пришлось собраться перед 24-й партией».

Свидетели 24-й партии помнят ее захватывающий сюжет. Выигрывает Карпов (у него

были белые фигуры), и он сохраняет звание чемпиона, ничья — лавровый венок достается Каспарову. До девяти часов (партия кончалась в десять) казалось, полное преимущество у Карпова, но за один час для неискушенных все поменялось (Каспаров уверяет, что этот «переворот» он готовил заранее), и партия кончилась не только ничьей, но победой претендента. Эта победа, кстати, сравняла их общий счет, и он стал по числу результативных партий 8:8. Каспаров уверенно выигрывал, имея преимущество в три победы, но на финише произошла сенсация — он проиграл подряд три партии.

«Всему есть объяснение. Я слишком много сил отдал для победы в 16-й партии и, когда победил, посчитал, что дальнейшая борьба не представляет никакого интереса. В спорте так думать нельзя, примеров тому сколько угодно. К ним можно добавить и мое поражение в трех подряд партиях. И хотя теперь равенство оставляло чемпионом меня, но я все же выиграл 22-ю партию.

В течение всего матча, да и во время подготовки к нему, я ни разу не усомнился, что удержу звание чемпиона мира. Конечно, спортивным результатом матча-реванша я недоволен, но, естественно, рад его итогу.

В этом матче уже не было столь явных промахов, как в предыдущих. В нем игрались и простые и сверхсложные позиции. Игрались и те, которые потребовали неслыханной выдержки в цейтноте».

Находясь в Лондоне, Ленинграде, Севилье, Каспаров практически не выходил из отведенных ему резиденций. Этого правила — изоляции от внешнего мира — он придерживается очень строго. Только быстрые прогулки с кем-нибудь из тренеров по близлежащим улицам. Чемпион убежден, что даже беседа с друзьями во время матча отнимает энергию, которую так надо беречь.

«Четвертый матч с Анатолием Карповым, по моему мнению, получился самым плохим по шахматному качеству. Лишь 23-я и 24-я партии спасли наше спортивное достоинство.

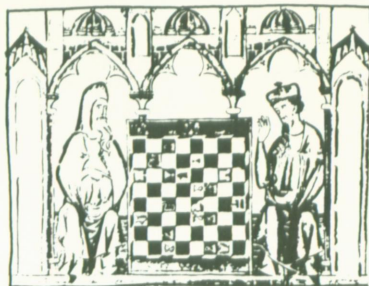
Психологически он для меня оказался вторым матчем-реваншем. Играть матч-реванш вообще нелегко, играть подряд дважды, как выяснилось, задача невероятной сложности. Но теперь, когда уже все позади — и 120 партий, и тысячи ходов, и более полутысячи часов, проведенных за шахматным столиком вместе с одним и тем же оппонентом, — даже не верится; впереди три года, свободных от матчей на первенство мира.

Столько строилось планов... Не только собственных, шахматных. Занятия с детьми в школе Ботвинника, Международная гроссмейстерская ассоциация, работа по оснащению компьютерами наших школ. И когда я стал составлять свое расписание, выяснилось, что времени на отпуск абсолютно нет. Но есть ощущение, что наступает какая-то совершенно новая, счастливая жизнь...»

Большие страсти вокруг больших шахмат

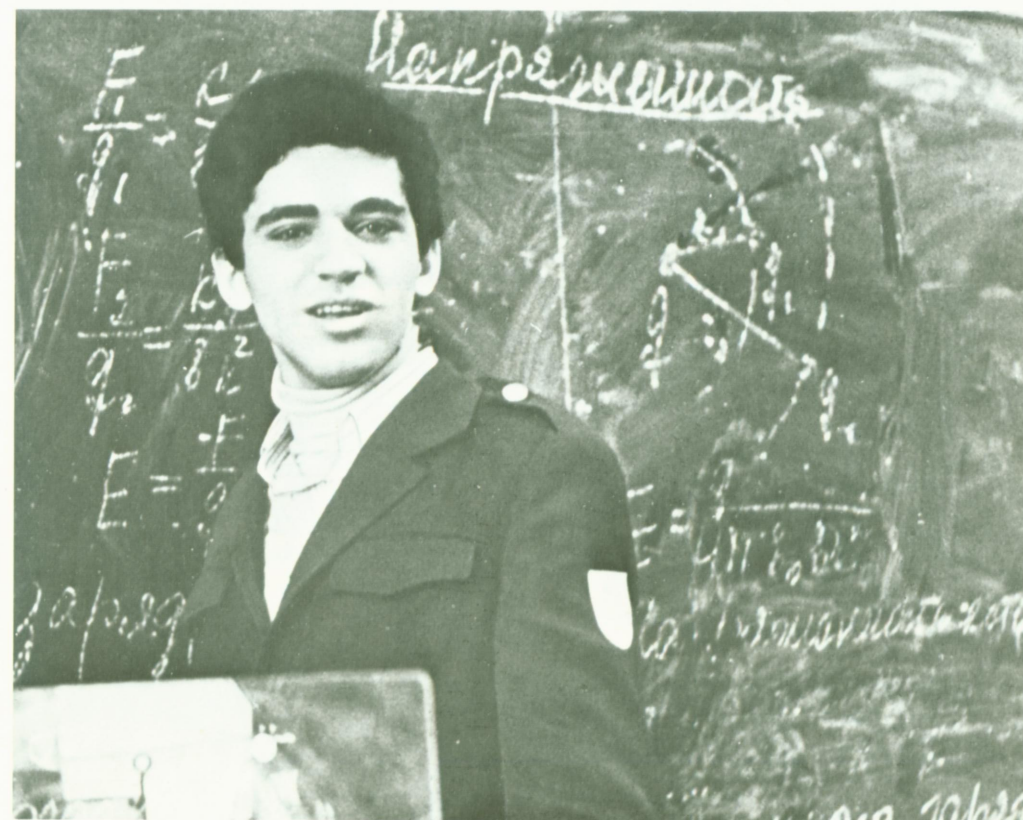
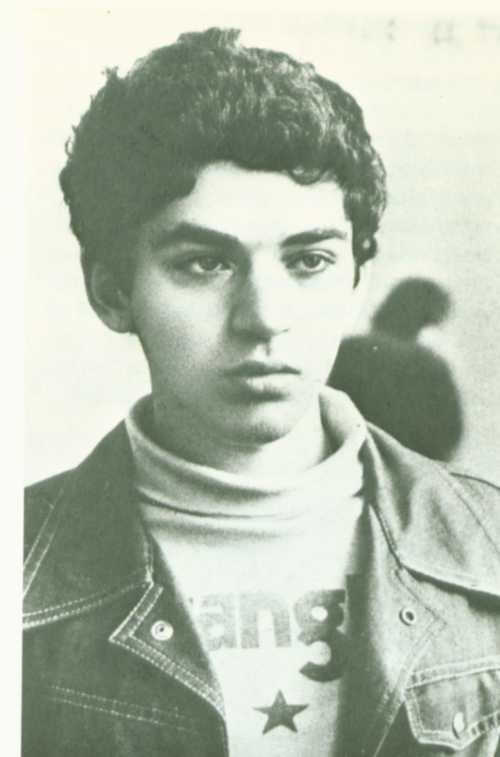
Александр Сергеевич Никитин, сейчас заслуженный тренер СССР, двенадцать лет назад, когда мы познакомились, носил скромное, по нынешним для него меркам, звание мастера спорта СССР. Ему принадлежит право «открытия» Каспарова для большого шахматного мира. Именно Никитин не только обратил внимание в одном из детских турниров на талантливого мальчика, но и рекомендовал его в школу Ботвинника, а в промежутках между сессиями школы Никитин регулярно приезжал в Баку для индивидуальных занятий с Гарриком. Никитину принадлежит и такая фраза в чудом сохранившемся моем блокноте: «В 1984 году Каспаров будет играть матч за звание чемпиона мира». Невероятная в своем точном пророчестве мысль, ведь Гаррику тогда было всего тринадцать. Но, с другой стороны, Гаррику тогда было уже тринадцать лет и он носил звание чемпиона страны среди юношей. С маленьким Каспаровым персонально занимался не только Никитин, но и бакинский мастер Александр Шакаров. Отметим такой факт, который имеет прямое отношение к характеру Каспарова, которому в апреле 1988 года исполнилось двадцать пять. И Никитин и Шакаров, как и прежде, его тренеры. Ни учителей, ни друзей Каспаров не меняет. С каждым годом у него все больше и больше знакомых, с каждым годом это все более и более крупные имена, но на вопрос, кто самый близкий друг, Гарри ответил: «Вадим Миносян, мой товарищ со школьных лет». С Вадиком Гарри дружит с первого класса. А учитель? Учитель, когда в это слово вкладывается весь смысл, которое оно несет. Учитель — Михаил Моисеевич Ботвинник. Вот напутственные слова, сказанные экс-чемпионом самому молодому чемпиону: «Те-

перь ты несешь немалую долю ответственности за справедливость во всех шахматных делах. И это тебя заставит нередко поступаться своей выгодой ради общей цели. И ты обязан это делать, иначе ты не настоящий чемпион».

Но вернемся к тем дням, когда Клара Шагеновна давала интервью за своего сына, а точнее, к тому времени, когда ни о каких интервью еще и мысли даже у корреспондентов не было. Воспоминания мамы дополняют воспоминания Сусанны Багдасаровны Каспаровой — бабушки чемпиона.

Две эти женщины после смерти отца Гаррика все свое время и всю свою жизнь отдали сыну и внуку.

О том, что у Гаррика хорошие аналитические способности, родители узнали, когда сын был совсем маленьким. Он в четыре года научился читать и считать, в пять лет складывал десятичные дроби. Ему, малышу, попались «Странствия Магеллана» Стефана Цвейга, и он зачитывался этой книгой. Тогда отец подарил ему большой глобус, и на нем Гаррик отмечал путь, пройденный каравеллами Магеллана. Он всегда был рад поделиться знаниями, которыми обладал с малых лет, но даже тогда уже довольно обширными. Однажды, когда он ожидал с родителями самолета в Бакинском аэропорту, поправил соседа, неправильно назвавшего столицу Колумбии, а затем на всякий случай перечислил все столицы Латинской Америки. С ним не нянчились, как с доморощенным гением; особый, щадящий, режим он познал лишь в пятнадцать лет, но Ким, его отец, как будто предчувствовал, что ему так недолго осталось быть с сыном (он умер, когда Гаррику еще не было семи), и все свободное время отдавал ребенку. Отдавал не игре, а планомерным занятиям. Основы

всех знаний, в том числе и шахматных, были заложены именно отцом, и так ужасно, так нелепо, что он не узнал, угасая в московской больнице, как Олег Приворотский, добрая душа, чудесный детский тренер, выйдя к дедушке, который привел внука в шахматный кружок, сказал дрожащим голосом, что он такого ребенка еще не встречал. Проявились способности Гарика в шахматах таким образом. У его родителей в число многих увлечений входило и решение шахматных задач. Занимались они ими обычно вечером, попутно с домашними

делами. И вот однажды Гарик (ему не было и шести лет) в воскресенье вдруг говорит: «А во вчерашней задаче ходить надо так...» Родители переглянулись и замерли. Изумленный Ким воскликнул: «Я же тебе не показывал, как надо играть! А ты знаешь, какого цвета поля с4, е5, b6?» И Гарик называл наизусть цвет и даже показывал траекторию движения фигур. Разговоров, куда направить развитие Гарика, до этого момента было много, присутствовала даже мысль обучать его игре на скрипке, чем великолепно владел отец. Эстафету отца принял дед. Ежедневно с

маленьким внуком он за обедом обсуждал все вопросы международной политики. Космос, атомные электростанции, строительство заводов-гигантов — не было проблем, волновавших страну, о которых не говорили бы дед с внуком. Шаген Мосесович известный инженер-нефтяник. Наверно, необходимо упомянуть, что семья Каспаровых — высокообразованная семья. Сусанна Багдасаровна закончила аспирантуру в Москве, и только рождение третьей дочки (Клара — старшая) помешало ей защитить кандидатскую диссертацию. Ранняя смерть Кима не дала раскрыться

всем его блестящим способностям. Перед тем как оставить работу — дела сына стали занимать слишком много времени, — Клара Шагеновна занимала должность заведующей лабораторией, ученого секретаря научно-исследовательского института.

Несмотря на ежедневные занятия шахматами, школа всегда была на первом месте. Мама ездила с Гариком почти на все турниры. Она возила в чемодане учебники сына,

Шахматы от 10 до 20

и они занимались самостоятельно. Отдыха, если он понимается только в том смысле, как ничегонеделание, Каспаров, пожалуй, никогда не знал; он так и не понимает по сей день, как можно жить просто так, ради собственного удовольствия. У Клары Шагеновны как-то спросили: «Когда ваш сын лежит на диване, он рассчитывает варианты?» «Нет, — ответила она, — если сын лежит на диване, то он спит».

В тринадцать лет Каспаров — кандидат в мастера. Взятие этого рубежа — переход в серьезные шахматы. И хотя над шахматным столом пока еще видна только макушка с черным хохолком, детские шахматы кончились.

В четырнадцать лет, когда Каспаров стал мастером спорта (самым молодым в СССР), он решил, что главным занятием в его жизни пока будут шахматы. Да, как это ни странно, Гарри колебался, его увлекали гуманитарные науки. Дважды он одерживал победы в юношеских чемпионатах (это еще не удавалось никому), а в 1977 году был третьим в мировом первенстве среди кадетов—юношей до 17 лет (самый молодой участник — Каспаров, ему 13). Через год пятнадцатилетний мастер выигрывает всесоюзный отборочный турнир и завоевывает путевку в высшую лигу чемпионата СССР, там становится девятым, сохраняя право на место в компании сильнейших еще на год (и это возрастной рекорд для шахматистов в нашей стране). Спустя год, в шестнадцать, на первом же своем международном турнире в Баня-Луке (Югославия) он занял первое место и получил гроссмейстерский балл. Второй необходимый для этого звания балл он заработал в семнадцать лет на международном турнире в Баку.

Теперь я встречался не с молчаливым мальчиком, а с живым и общительным пареньком, спешащим, скорее, рассказать, чем умолчать. Открытым и необыкновенно эмоциональным. Эмоциональность, в общем-то, не экстраординарная черта для любого семнадцатилетнего бакинца, многих шахматных специалистов настораживала. «Психологически Каспаров не готов к завоеванию больших шахматных вершин», — утверждали они. Эмоциональность Каспарова, которая так пугала знатоков, стала одной из самых любимых его черт у зрителей. Неискушенные думали, что гениальные замыслы могут рождаться лишь за бесстрастной маской на лице, и

вдруг убедились, что смотреть на сцену, когда на ней то мечется, то сидит в вольной позе, а то обхватив голову Каспаров, в общем-то, интересно, даже когда в самой игре ничего не понимаешь. Каспаров, который преклоняется перед великим артистизмом в любой области, похоже, сам того не понимая, помимо многих чисто шахматных достоинств прибавил яркого блика этой древней игре артистической манерой держаться. При этом манерой искренней, не наигранной, идущей от естества, от характера.

1980 год в семье Каспаровых называют годом золотых медалей. Гарри стал чемпионом мира среди юношей, победителем командного чемпионата Европы, победителем Всемирной олимпиады (этого титула он будет удостоен еще дважды) и, наконец, окончил с золотой медалью 151-ю бакинскую школу. На следующий год он на Московском международном турнире разделил второе — четвертое места (первым был А. Карпов) и выиграл звание чемпиона СССР. 18-летнего чемпиона в СССР до этого еще не было.

В 1982 году Гарри на турнире четырнадцатой категории (высочайшего класса) в югославском городе Бугойно устроил его участникам форменный разгром, что позволило одному из ведущих гроссмейстеров пошутить: «Мне, как и тем, кто играл против Каспарова белым цветом, по крайней мере повезло, мы хотя бы могли рассчитывать на ничью».

В 1982 году Каспаров по личным достижениям, как шахматист с одним из самых высоких рейтингов в мире, был включен в состав межзонального турнира, определяющего претендента на шахматный трон. Точнее, на борьбу за право сразиться с чемпионом за этот трон. По жребию, который был брошен в дни шахматной Олимпиады в Люцерне, Гарри Каспарову, победителю одного из трех межзональных турниров, выпало играть с Александром Белявским, который, как и Гарри, еще ни разу в жизни не играл матча, но, по оценке специалистов, как и Гарри, был одним из сильнейших в восьмерке претендентов, в которую входили: Смыслов, Рибли, Хьюбер, Корчной.

Чтобы выйти на Карпова, Каспаров выиграл три матча: у Белявского, Корчного и Смылова. Ни в одном из них он не испытывал больших затруднений, и, в общем-то, с оговорками, скорее для приличия,

признавался в каждом из этих матчей фаворитом. Столь стремительный разбег не мог не сыграть своей роли. Весной 1984 года, после победы в финальном матче, он сказал: «Теперь я без пяти минут чемпион». Ему ответили: «Не спешат ли ваши часы?» Спустя почти три года, перед мат-

чем Карпов — Соколов, Каспаров в ответ на неосторожное заявление Соколова, что он не сомневается в победе, отозвался: «Он не представляет, с кем ему предстоит играть». Мало кто тогда мог предполагать — какому шахматному противостоянию мы окажемся свидетелями.

На следующий день после вручения первого лаврового венка Каспаров заявил, что одна из главных задач чемпиона — работа с детьми. В этом он видит свой главный долг перед советской шахматной школой. И прежде всего это касалось возобновления школы Ботвинника, где уже несколько лет сессии были прекращены. Знаменитому маэстро перевалило за семьдесят и одному ему проводить занятия было уже нелегко, а ведь в его школе занимались многие знаменитые советские гроссмейстеры да и сам 13-й чемпион долгое время ходит в любимых учениках 5-го чемпиона мира.

Когда-то на замечание, что где-то растет мальчик, которому суждено отобрать лавры у чемпиона, Каспаров отозвался так: «Я мешать учиться шахматам ему не буду, могу только помочь». Свое слово, по моему, чемпион сдержал, но об этом позже, сейчас отдадим слово Каспарову, выслушаем его мнение о детских шахматах. Будет ли следующий чемпион еще моложе?

«По-моему, мы подошли к пределу, справедливому, во всяком случае, для обозримого будущего. Чемпион мира по шахматам кроме чисто спортивных достоинств должен еще и обладать достаточным жизненным опытом. А это вряд ли придет к двадцати годам. Если говорить о начальной стадии обучения, то прежде, чем учить играть, надо научить читать. Кругозор читающего ребенка шире, и шахматы сразу становятся для него осмысленной игрой. Следовать этому правилу необязательно. С простейшими основами шахмат можно знакомить детей в возрасте четырех-шести лет.

Шахматы развивают в детях множество

качеств. Они рано выявляют в ребенке то, что иначе бы открылось в нем значительно позже (а могло и вовсе не раскрыться). Они учат анализу, то есть приближают юного шахматиста к науке. Заставляют бороться до победы, то есть воспитывают спортивный дух, силу воли. Наконец, учат творчески мыслить, фантазировать, искать и находить. Может, кто-то из маленьких игроков впоследствии и забросит шахматы (не всем же быть мастерами и гроссмейстерами), но творческая инициатива, развитая в нем прежними занятиями этой игрой, наверняка пригодится ему в любой области, которую он для себя выбрал».

Общение с маленькими талантами проходит у члена ЦК ВЛКСМ не только во время сессии. Он один из самых постоянных участников соревнований Дворцов пионеров. Дважды пионер Каспаров защищал честь своей первой шахматной школы, трижды, как гроссмейстер, был ее капитаном. Само общение с чемпионом, игра с ним — уже огромный стимул для ребят, но не менее важны и уроки спортивной чести. Партию с Мишей Улыбиным из Челябинска на последнем турнире чемпион отложил в неясном окончании, и шансы его были хуже. Правда, победу ни Улыбин, ни капитан его команды (гроссмейстер Панченко) найти не могли. Нашел ее сам Каспаров уже дома, вечером, и, позвонив главному судье, попросил записать ему поражение. Понятие справедливости он поставил выше собственного авторитета, а точнее самолюбия: ведь каждое поражение чемпиона пусть маленькая, но сенсация, а поражение от 15-летнего школьника новость уже не маленькая и охотно распространяемая средствами информации. Одно

его должно было утешать: Улыбин — ученик Каспарова, постоянный участник сессии школы Ботвинника. Кстати, сам Ботвинник упорно называет ее школой Каспарова. Чемпион же придерживается прежнего наименования. В итоге начали писать школа Ботвинника — Каспарова. Ее первая сессия прошла под Москвой спустя месяц после победы Каспарова во втором матче с Карповым. Одна из последних — за месяц до матча в Севилье. Как строятся занятия в этой школе, по примеру которой в нашей стране уже действует несколько? Отобранные на детских и юно-

шеских турнирах ребята, в основном от десяти до шестнадцати лет, съезжаются вместе со своими тренерами (многих еще сопровождают и родители, как Клара Шагеновна Гарика) в какой-нибудь город, где в течение двух недель оба гроссмейстера занимаются с ними, а тренеры работают как ассистенты. К концу сессии каждый ее участник получает индивидуальное домашнее задание. В дни сессии Каспаров обычно дает ребятам сеанс одновременной игры (собирается обычно около двадцати человек, и ниже перворядника в этой компании никого нет),

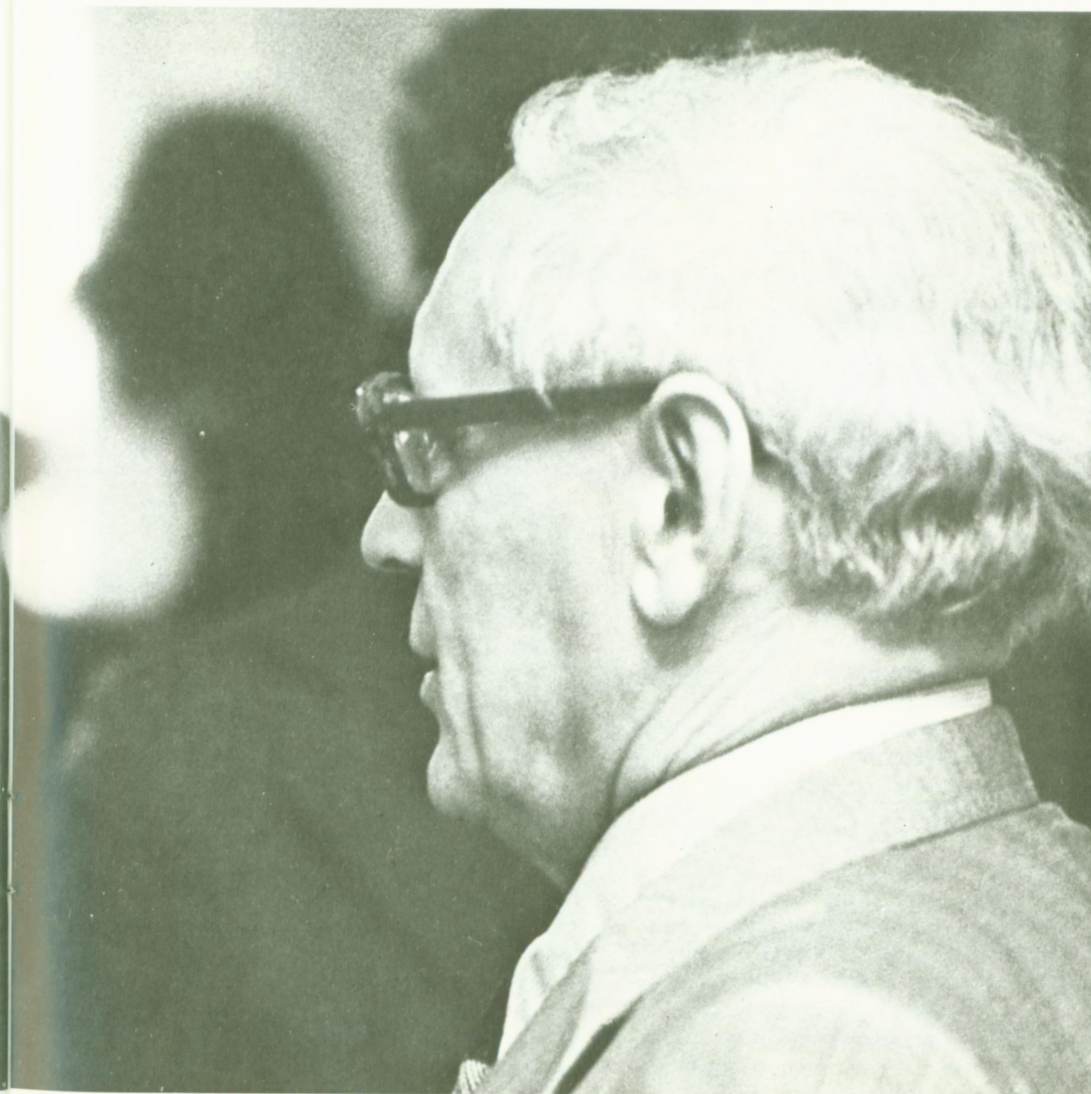
затем игра каждого разбирается, заодно он показывает сыгранные им за полгода партии, и они тоже придирчиво рассматриваются. Выглядит это так: у демонстрационной доски переминается с ноги на ногу экзаменуемый, ему нелегко находиться под перекрестным огнем двух знаменитых шахматистов, восседающих в первом ряду, но и страха никакого нет, обстановка в школе демократическая. За гроссмейстерами сидят дети, которые также подают реплики, а уже за ними безмолвствующие тренеры и родители. Занятия проходят в день два раза, и обязательно выделяется время для физической разминки — нередко это просто футбол в компании с чемпионом мира. По другому и

быть здесь не может, Михаил Моисеевич Ботвинник встречал день своего 75-летия на веслах одноместной байдарки, устроив собственную традиционную регату по Москве-реке. Я наблюдал, как ученики школы возвращаются с занятий. Впереди окруженный ими шел чемпион (каждый в этой стайке старался оказаться рядом с ним, поэтому она все время как бы переливалась), сзади с эскортом родителей шествовал экс-чемпион. Дети наперебой требовали различных шахматных историй и возбужденно кричали, перебивая друг друга, заодно и чемпиона, что-то вроде: «В этой позиции слоном надо было ходить на е4!» Может быть, среди этой галдящей компа-

нии шахматистов, больше похожих на футболистов, находится будущий чемпион мира? Кто знает? Чуть ли не на каждой сессии Ботвинник и Каспаров отыскивают очередного гения. И не исключено, что Каспаров сам себе воспитывает соперника. Но, объективно говоря, угадать даже в шестнадцать лет будущего чемпиона невозможно. Есть юношеские чемпионы мира, которые ничем не выделяются сейчас в ряду средних гроссмейстеров, хотя, конечно, одно уже это звание — принадлежность к шахматной элите. Чемпионский титул предсказывали безусловно только одному Каспарову — и то не предполагали, что он так быстро оправдывает предсказания. Но все же совсем не исключено, что

четырнадцатый чемпион идет сейчас рядом с тринадцатым.

Не только возрождение школы Ботвинника, как выяснилось, волновало Каспарова. В конце 1985 года он обратился к академику Е. П. Велихову с предложением о создании в Москве детского компьютерного центра. Отставание в этой области чемпион мира считал недопустимым. Академик Велихов поддержал предложение Каспарова, и довольно скоро, а именно 4 июня 1986 года, на Арбате был открыт клуб, который получил незамысловатое название «Компьютер». Ко дню торжественного открытия Гарик успел добавить к первому им подаренному персональному компьютеру еще два, спустя короткое время взнос Каспарова увеличился еще на четыре ЭВМ. К этому времени Госкомспорт СССР заключил годовое соглашение, разрешив фирме «Атари» использовать для рекламы имя чемпиона мира. «Атари», производящая персональные компьютеры, расплатилась более чем полустотней своих последних моделей, сорок из них пополнили уже довольно большую коллекцию клуба «Компьютер», и свою обязанность как одного из учредителей клуба Госкомспорт выполнил с честью. Маленькое арбатское помещение сменил дом на Рождественском бульваре, а число занимающихся в клубе детей достигло полутысячи. Занимаются с ними пятьдесят классных программистов, в большинстве сотрудники Центрального экономико-математического института АН СССР — еще одного учредителя клуба. «Компьютер» исключительно общественная организация, дети не вносят ни копейки, и необходимые расходы оплачивает третий учредитель клуба — московский комсомол. Большая часть ребят — это те, кто не имеет возможности ни дома, ни в школе пользоваться персональным компьютером, поэтому к

«Компьютеру» не подходит определение элитарного клуба, он наполнен тем содержанием, какое больше всего устраивает чемпиона мира — ведь Гарри Каспаров его президент. Причем должность эта, к огорчению тренеров Каспарова, не фиктивная, как это обычно бывало в прошлые годы. Слишком много времени, по их мнению, Гарик занимался проблемами клуба. Добившись материального обеспечения клуба, он принялся за ремонт особняка. Дети живут в клубе с лозунгом «Вчера — сегодня — завтра» — где вчера — это их особнячок XVIII века, «сегодня» — ежедневная работа и «завтра» — компьютерный век. Что касается «сегодня» и «завтра», то с этим полный порядок, «вчера» же протекало и накануне зимы не отапливалось. Сколько очков в будущем матче потерял Каспаров, занимаясь поисками кровельного железа и строительной организации для ремонта, конечно, подсчитать невозможно, но тот, кто раз делал ремонт в своей квартире, может себе представить, чем занимался Каспаров, если возьмет затраты времени, а главное, нервов на свою квартиру и увеличит их до площади в 800 квадратных метров. Если к этому еще приплюсовать огромную работу по созданию Международной ассоциации гроссмейстеров и организацию Кубка мира по шахматам, занятия с детьми в школе Ботвинника, попытки создания ассоциации в СССР и объединенного шахматного издательства, то прав будет югославский журнал, написавший: «Еще не было чемпиона мира, который столько бы занимался общественной работой». Конечно, мировой титул — высшая цель для спортсмена, но для Каспарова всегда имела важнейшее значение творческая грань любого дела, и прежде всего, коне-

чно, шахмат. Рассказать о системе его поисков, открытый и как эти открытия проверяются, естественно, невозможно, спортивная подготовка всегда ведется в секрете. Но Каспарову принадлежит фраза: «Шахматы — это способ самовыражения» — и интересно услышать его собственную расшифровку этой емкой фразы.

«Принято считать, что шахматист должен обладать математическим складом ума — факт бесспорный, но это, как говорится, не вся правда. Математический расчет позиции в какой-то момент себя исчерпы-

вает и тогда «включается» интуитивно-творческое мышление.

Творчество — это высшее проявление человеческой фантазии. Человек может все. Но между деталью, если даже она вершина токарного, столярного мастерства, блестящим инженерным расчетом и созданием произведения искусства, на мой взгляд, разница есть. Первое имеет конкретное материальное воплощение. «Форд» модели «Т» сейчас может рассматриваться как уникальная конструкция для своего времени, но ему не дано, как произведению искусства, попасть в разряд бес-

ценных шедевров; но, конечно, к ним относятся фундаментальные научные открытия. К группе творцов я отношу и больших шахматистов. Здесь продукт творчества не конкретный и исключительно индивидуальный. А найденная в позиции безупречная схема существует столетиями. Можно возразить, что шахматист играет не сам с собой. Без оппонента, сидящего напротив, возможно, шахматный шедевр не был бы создан?

Но здесь нет противоречия. Шахматы имеют конечный результат. В них в ограниченное время надо доказать свое превосходство. Это — спортивная часть шахмат. Ценность их от этого не уменьшается, но так как победить в игре может лишь один из участников встречи, выбранное нами ограничение, обусловленное индивидуальным творчеством, сохраняется.

Ботвинник был первым, кто разложил шахматы на триаду: спорт, искусство, наука. Самого Ботвинника, во многом благодаря его докторской диссертации, относили к игрокам научного стиля. Моего предшественника экс-чемпиона мира Анатолия Карпова считали шахматистом спортивного стиля. Мне себя хочется отнести к универсалам.

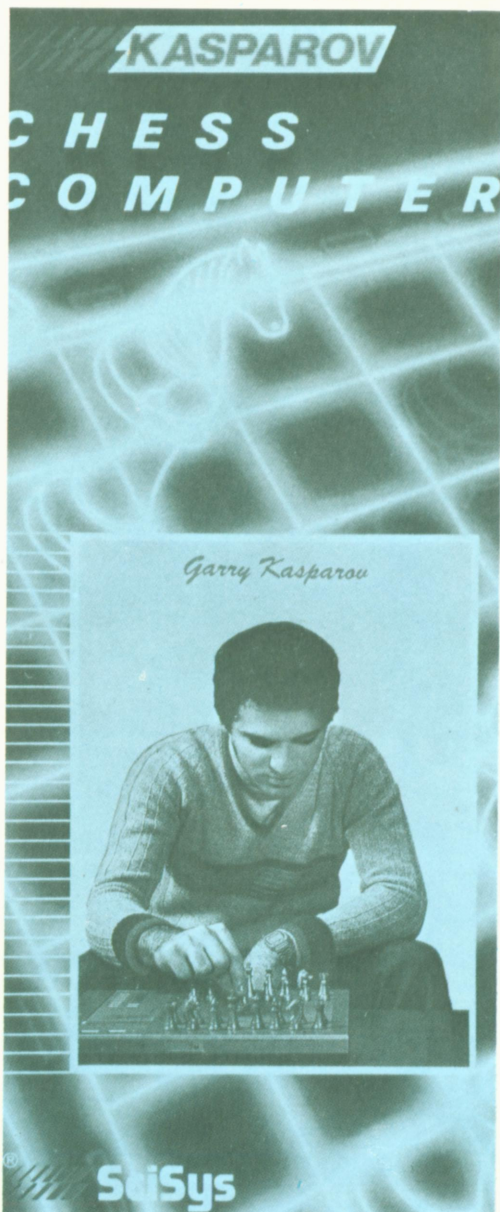
Если научная и спортивная часть игры в объяснениях не нуждается, то искусство в шахматах — многогранное определение. Первое, что приходит в голову, — это назвать высоким искусством комбинационную манеру Таля. Но я не согласен с таким односторонним определением, что искусство в шахматах — это лишь красивая комбинация или красивая победа. Искусство — это весь мыслительный процесс в шахматах. Здесь все: интуиция, красота, логика и даже технические элементы. Я не раз слышал, что можно быть известным шахматистом и при этом не быть творцом. Мол, не каждый блестящий исполнитель — композитор. Насколько правомочно сравнение — не знаю. В шахматах исполнитель и композитор должны быть слиты воедино. Может меняться соотношение составных частей в ту или иную сторону, но отделить одно от другого невозможно.

Кстати, сразу возникает вопрос: помогает ли в шахматной подготовке зарядка от художественной литературы, концертов, симфонической музыки, прогулок на природе? То есть то, что, считается, стимулирует людей искусства.

Я же думаю, что помогать в любой работе

может только приобретение новой, в моем случае шахматной, информации. Другое дело — стиль. Он, благодаря литературе, музыке и даже природе, становится изысканнее. Ведь шахматы — это и становление личности. Надо уметь перестраиваться, надо иметь характер, быть ловким, гибким во время партии. Надо уметь заставить себя работать на пределе. Творческая отдача должна быть в партии очень большая. И немалая роль здесь принадлежит человеческому фактору.

А моменты творческого озарения, когда мозг начинает «выдавать продукцию высо-

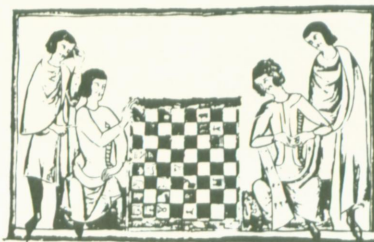
чайшего качества», никак не связан с окружающей природой или вдруг налетевшим озарением. Нет. В самых неожиданных местах или в самое неподходящее время «озарение» не приходит. Оно рождается только во время работы, прямо за доской. Может посетить и вечером, когда я читаю книги или смотрю телевизор. Но ему всегда должен предшествовать напряженный рабочий день — такой день, когда я шахматы ощущаю буквально кончиками пальцев.

Мне не очень нравится такое определение,

как «шахматный гений». Мы твердо усвоили, что гении — это люди со странностями или причудами. Есть масса примеров, в том числе и в шахматном мире: известно, что Александр Алехин возил какое-то время за собой собственную корову, чтобы не пить молоко из-под чужой, затем его знаменитый кот. Но здесь, возможно, больше дань рекламе, да и общество, и время, в котором он жил, требовали, возможно, некоей «странности». Я никогда не увлекался мыслью о собственной исключительности. Я стремлюсь развиваться как можно шире. Меня, как и любого человека, питает определенная среда, и в ней нет таких источников, которые могли бы развить или проявить странные, экзотические поступки. Я думаю, что мой образ жизни не изменится и в дальнейшем и я останусь таким, какой я есть. У меня хорошие контакты с самыми разными людьми. Шахматы — способ самовыражения, но еще есть масса интересов в жизни. Отношения между людьми, отношения в глобальной политике. Я стараюсь не отставать от жизни, которая вокруг меня. Жить по тому времени, по которому сейчас живет страна».

В Баку люди ходят неторопливо. Если кто-то и пронесется мимо вас, вполне возможно, что прошел чемпион мира. Скорость передвижения диктуется еще и скоростью узнавания обожаемого земляка. В Москве или в каком-нибудь другом городе бакинец, увидев Каспарова, считает своим долгом подойти и пожать ему руку, как бы показывая, что даже далеко от дома он не обойден дружеской поддержкой. «Родному Баку — посвящаю» — такой эпиграф дал Каспаров первой своей книге. Все в этом городе дорого и интересно чемпиону: и его достоинства, и его особенности, которые нередко для приезжих выглядят довольно странно. Перенаселенный шумный интернациональный город создал свою неповторимую интеллигенцию, которая, ничуть не порвав с национальными особенностями, впитала в себя и русскую, и мировую культуру. К этому кругу принадлежат и родители чемпиона. Однажды Гарик сказал Кларе Шагеновне: «Мама, мы вполне можем считать себя русскими: ведь и читаем, и пишем, и говорим, и думаем мы на русском». Истинная интеллигентность — это прежде всего, как правильно было сказано, нравственность, а потом уже и образованность. Нравственный человек живет в мире духа, а не в мире вещей. Вопреки представлению большинства о невероятно роскошной жизни чемпиона, тем более в такой жемчужине, как Баку, Каспаров только на третий год своего чемпионского стажа получил квартиру, а так жил вместе с мамой и бабушкой, дедушка умер несколько лет назад, в маленькой трехкомнатной квартире, где на кухне больше двух человек поместиться не могут. А на руках у бабушки вырос не только знаменитый внук, но и его двоюродный брат и еще две двоюродные сестры,

более того, они и сейчас почти каждый день в этом теплом родном доме. А Гарик никак не может найти время, чтобы переехать в новую квартиру. За окном его комнаты, напротив стола, за которым он работает, растут тополя, их посадил он сам, когда был совсем мальчишкой, теперь их верхушки ушли за крышу пятиэтажного дома на Ереванском проспекте. Но адреса его никто не знает. Письма доходят и так: «Баку. Каспарову». В этом доме Гарик, не имея никакой страсти к собирательству, все же собрал неплохую библиотеку. Второе место в жизни после шахмат у Каспарова занимают книги. Человек нуждается в информации: технической, строительной, кулинарной, но, пожалуй, редко когда задумываешься, что художественная литература — это тоже информация, информация для души. Можно с уверенностью сказать, что во многом литература сформировала мировоззрение Каспарова. Читал Гарри и в детские годы очень много, но уже тогда довольно скептически относился к приключенческо-детективному жанру и пока своего мнения не поменял (это утверждение никакого отношения к фантастике и лучшим образцам — Конан Дойлу, Честертону, Эдгару По — не имеет). Как считает сам Гарри, систематическое чтение началось у него в четырнадцать лет. Были периоды только Хемингуэя, только Горького, только Фейхтвангера. Он прочитывал все, что написал понравившийся ему автор, а к книгам, которые потрясли, возвращается. На один и тот же вопрос о любимой книге, если первый задан, предположим, в апреле, а второй — в октябре, Каспаров ответит по-разному. Ответ во многом зависит

от внутреннего состояния. Разное настроение требует для себя соответствующей книги.

Гарри со школьных лет увлекался русской поэзией. На первом месте у него всегда был Лермонтов, затем Блок и Есенин.

Поскольку на память ему жаловаться не приходится, он помнит наизусть множество стихов. Он долго мучился вопросом, какие пять книг отобрал бы с собой в случае необходимости? Попросил десять. Но не уложился и в десять томов.

Того, что принято называть в наши дни хобби, у Каспарова нет абсолютно. Впрочем, что же все-таки понимать под этим словом? Обычно подразумевают коллекционирование. Эта сторона человеческой деятельности пока не в характере Каспарова, поскольку страсть к коллекционированию обычно носит всепоглощающий характер.

Впрочем, он очень любит спорт. Речь идет не о собственных занятиях. О стремлении самому посмотреть интересные состязания, обсуждать их, переживать, заключать пари, короче, быть обычным спортивным болельщиком. И футбольным фанатом, конечно «Спартак», — сам ведь с детства спартаковец. Зная, что Каспаров помнит не только стихи, но и страницы прозы, результаты футбольных матчей позапрошлого чемпионата мира, а главное, сотни, а скорее всего, тысячи шахматных партий, поражаться этому не можешь, хотя понимаешь, что шахматист и отличная память сочетание само собой разумеющееся. Но, считает Каспаров, специальная память —

качество, присущее лишь ЭВМ. Память — загадка мозга. Есть события и предметы, которые Гарри запомнить не в состоянии — своеобразная «мертвая зона». У Каспарова плохая зрительная память. И все же большинство из желаемого остается в мозгу, который, кажется, не делает даже для этого никаких усилий. Конечно, есть у него пара талисманов, но одевается Каспаров по погоде, а не в костюм, который приносит счастье. Но чтобы не было скучно читателям, отметим — у чемпиона мира есть магическое число — тринадцать. От этого числа Каспаров, который родился 13 апреля, всегда многого ждет. С цифрой «13» связано слишком много примеров: начиная от того, что на финальный матч со Смысловым Гарри ехал в вагоне на тринадцатом месте и в итоге стал тринадцатым чемпионом

мира по шахматам, выиграл впервые звание со счетом 13:11, причем в 1985 году, где последние две цифры тоже дают в сумме тринадцать.

Так сложилось, что все, с кем он поддерживает контакты и постоянно общается, старше его, и это, естественно, оказало большое влияние на юного Каспарова, который в свои 25 лет выглядит умудренным жизнью человеком с уже хорошо заметной сединой в черных, проволочной твердости волосах.

Каспарова в свое время попросили определить, какие человеческие качества ему кажутся самыми важными. «Для меня основополагающим качеством является порядочность. В этом одном слове соединено почти все лучшее, что может быть в человеческом характере». Мы можем с уверенностью заявить, порядочность —

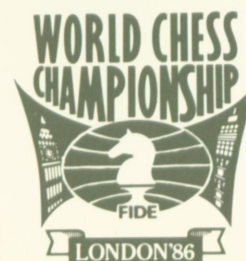

это и есть главное качество характера Гарри Каспарова. Да, он вспыльчив, но отходчив. Он любит поговорить, но умеет слушать, причем людей, обладающих глубокими знаниями, готов слушать часами. Он напорист, по-спортивному зол, целеустремлен, но никогда для достижения цели не использует нечестного приема. С теми, кто пытается действовать обходными путями, он жесток и до конца их никогда не прощает.

Добившись так рано в своей области так многого, Каспаров считает, что последние годы для него шли один к трем, следовательно, ему сейчас «за тридцать». Это так — во многих вопросах он мудр не по годам, и не так — в житейских проблемах Каспарова можно, что называется, обве-

сти вокруг пальца. В среднем в итоге выйдут опять же его двадцать пять. Годы застоя, когда было принято вежливо улыбаться и говорить пустые фразы, вместо того чтобы принимать решения, невольно наложили отпечаток и на шахматную жизнь, но не затронули будущего чемпиона. Он говорит, а трибуна сейчас у него высокая и аудитория обширная, о вещах порой настолько непривычных, причем говорит это со свойственным для него напором, что для многих такая прямая форма высказывания собственного мнения кажется чуть ли не зазнайством. Со временем, думаю, привыкнем, и Каспаров нас своей, не прикрытой туманными высказываниями правдой скоро пугать не будет. На Западе его называют «дитя перемен», и этим званием, по-моему, он гордится.

K28

Гарри Каспаров: Альбом/Авт.-сост. Мелик-Карамов В. Р. — М.: Физкультура и спорт, 1988. — 48 с., ил.

К 4202000000—072
009(01)—88 КБ 28—58—1987

ISBN 5-278-00047-3

ББК 75.581

© Издательство „Физкультура и спорт“, 1988 г.

Научно-популярное издание

ГАРРИ КАСПАРОВ

Автор-составитель
Виталий Рачикович Мелик-Карамов

Редактор З. В. Крутинская
Художник О. И. Айзман
Художественный редактор Е. С. Пермяков
Ретушер М. Г. Чураева
Технический редактор О. П. Жигарева
Корректор Г. Б. Пяташева

Н/К. Сдано в набор 14.01.88. Подписано к печати 01.07.88. А 01553. Формат 70×108/16. Бумага мелов. Гарнитура Гельветика. Офсетная печать. Усл. п. л. 4,20. Усл. кр.-отт. 18,20. Уч.-изд. л. 4,91. Тираж 200 000 экз. Издат. № 8143. Зак. № 1969. Цена 1 р. 10 к. Ордена „Знак Почета“ издательство „Физкультура и спорт“ Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101421, Москва, Калевская ул., 27.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5